

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.006

УДК 32.323

В.В. ТИТОВ

доктор политических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления
Государственного университета управления,
Россия, г. Москва
E-mail: titov-msu@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СЕРЕДИНЫ 2020-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются наиболее острые политические вызовы, адресованные российской национально-государственной идентичности в середине 2020-х годов. К ним относятся кризисные тенденции функционирования институтов политической социализации в условиях цифровой трансформации общества, сохраняющаяся слабость и аморфность коллективного макрополитического образа будущего в современной России, внешняя цифровая агрессия против российской государственности и российского общества в условиях Специальной военной операции. Выявлено, что рассматриваемые вызовы имеют различное происхождение и динамику, но при этом оказывают долгосрочное деструктивное воздействие на структурную композицию, когнитивный и психоэмоциональные профили российской национально-государственной идентичности. Отмечается, что ответы на указанные вызовы возможны через системную модернизацию государственной политики идентичности, поиск асимметричных технологий и форматов ее реализации в условиях социальной неопределенности, полицентричности и турбулентности цифрового пространства.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, вызов, цифровая трансформация, социально-политическая неопределенность, дегуманизация, политика идентичности, образ будущего.

Общепризнанно, что радикальные политические изменения первой четверти XXI века способствовали как частичному реформатированию массового сознания в современной России, так и кристаллизации целого ряда внутренних и внешних геополитических вызовов, адресованных российской идентичности. Говоря о данных вызовах, необходимо учитывать, что развитие российского общества в первой половине 2020-х гг. было сопряжено с ростом социально-политической неопределенности [10; 16]. Этот рост был обусловлен сначала кризисной динамикой, связанной с пандемией COVID-19, а затем, начиная с 2022 года, – резким обострением геополитического конфликта России

с государствами «коллективного Запада». Все это подчеркивает необходимость подробного анализа актуальных вызовов и угроз, оказывающих прямое и опосредованное деструктивное воздействие на российскую национально-государственную идентичность.

Следует отметить, что, размышляя о российской идентичности, современные исследователи в подавляющем большинстве случаев подразумевают именно национально-государственную идентичность. Национально-государственная идентичность может быть интерпретирована как сложносоставный и эволюционирующий макрополитический конструкт – массовое представление о «нас» как о большом политическом сообществе в различных его проекциях: пространственной, социоисторической, структурно-иерархической (сквозь призму образа власти и взаимоотношений «власть – общество») [9; 12; 13; 15]. Современные исследования также убедительно подтверждают тот факт, что российская национально-государственная идентичность, с одной стороны, продолжает находиться перед лицом фундаментальных вызовов, кристаллизовавшихся в первые два десятилетия XXI века, а с другой стороны, – сталкивается с новыми острыми угрозами [2; 6; 7; 14; 15].

Не претендуя на анализ всего перечня вызовов, стоящих перед российской национально-государственной идентичностью, уместно остановится на трех из них: кризисном функционировании институтов политической социализации в эпоху цифровой трансформации, проблеме слабости (и фактическом отсутствии) коллективного макрополитического образа будущего в современном российском обществе и внешней цифровой агрессии против России в условиях Специальной военной операции. Два первых вызова, безусловно, не являются порождением 2020-х гг., но события 2022-2025 гг., предали им более острый характер, усилили порождаемые ими негативные социально-политические эффекты.

Первый вызов российской национально-государственной идентичности, не являющийся новым, но все более ярко проявляющийся в середине 2020-х гг., связан с **цифровой трансформацией** пространств повседневности, в которых пребывают российские граждане. Необходимо признать, что цифровая трансформация социальной жизни, коммуникативная полицентричность современного мира «формируют новую гибридную реальность, где уживаются архаика и постмодерн, где соседствуют разные цивилизационные парадигмы» [10. С. 15]. В массовом сознании генерируется неопределенный и наполненный внутренними противоречиями «образ окружающего мира, что актуализирует потребность индивидов и социальных общностей в самоидентификации, в поиске своего места в социуме» [10. С. 15].

Естественно, новая – неустойчивая и динамичная – политико-коммуникативная конфигурация современного мира ставит под сомнение эффективность традиционных (вертикальных, основанных на превалирующей роли государства) институтов политической социализации и их способность формировать целостную и непротиворечивую конструкцию общероссийской

национально-государственной идентичности [2; 14]. В этой ситуации государственная политика идентичности уже не может ограничиваться образовательной и культурной сферами, вынуждена смещаться в поле цифровых коммуникаций. Влияние «цифры» на политические установки и представления особенно существенно, когда речь идет о формировании ценностно-смысловых основ политического сознания российской молодежи, для которой цифровые коммуникации стали не только ведущим (а во многих случаях и доминирующим) пространством политической социализации [4].

Однако еще более явной проблемой для государства (и реализуемой им политики идентичности) является конкурентный характер цифрового пространства. По-существу, сегодня государственные институты утрачивают монополию на производство макрополитических смыслов и связанных с ними идентификационных конструктов. В этой ситуации конвенциональная модель российской национально-государственной идентичности, транслируемая сегодня государством, начинает восприниматься отдельными, наиболее погруженными в «цифровую политику», группами российского общества не как доминантный (и по-существу константный) конструкт коллективного политического сознания, а лишь как одна из множества вариаций политической самоидентификации [2. С. 92-93].

Безусловно, даже в условиях цифровизации общероссийская идентичность не становится релятивистской «идентичностью выбора» в полном смысле этого слова, но ее обобщенный государственно-нарративный характер все более подменяется вариативными и субъективно-интерпретационными сюжетами политического сознания. Однако государственные институты политической социализации и государственная политика идентичности (находясь фактически внутри процесса цифровой трансформации социума) вынуждены прибегать к реактивным стратегиям – преимущественно адаптироваться к новым социально-политическим реалиям, а не задавать вектор их изменения. Представляется, что цифровой вызов российской идентичности носит фундаментальный, сверхдолгосрочный и глубинный характер. Его влияние не детерминировано текущей макрополитической динамикой, а имеет глубинные основания, проистекающие из радикального переформатирования социального поля [14; 15]. Поэтому деятельность государственных институтов по формированию общероссийской идентичности в среднесрочной перспективе будет сохранять адаптивный и, отчасти, административно-секционный характер. То есть, она будет направлена на минимизацию наиболее негативных проявлений симулятивной интернет-реальности, представляющих явную угрозу массовому политическому сознанию (экстремистские течения, потенциально сепаратистские политико-идентификационные нарративы и т.д.).

Второй вызов российской национально-государственной идентичности связан с фактическим **отсутствием консолидирующего образа будущего в российском обществе**. Говоря о формировании и эволюции образа будущего в современной России, следует отметить, что речь идет именно о макрополитическом конструкте, систематизированной совокупности согласованных,

опирающихся на прочный ценностный фундамент, представлений граждан о политическом будущем России в средне- и долгосрочной перспективе. Можно полагать, что «образ будущего» – есть многоуровневая ценностно-смысловая и символическая композиция, возникающая «на стыке» интересов государства и состояния массового сознания, господствующих в нем политических представлений» [5. С. 3289]. Образ будущего может быть определен как «ценностно-смысловой фрейм, выступающий механизмом консолидации общества вокруг фундаментальных принципов, ключевых приоритетов и целей национально-государственного развития» [5. С. 3290].

Тем не менее, макрополитический образ будущего как компонент «матрицы» национально-государственной идентичности не может быть сведен к сумме личностных и социальных ожиданий, редуцирован до своей материально-прагматической проекции. Необходимо также понимать, что коллективный образ будущего, складывающийся и циркулирующий в массовом сознании, представляет собой в большей степени психоэмоциональный конструкт, когнитивная составляющая которого, все же, является вторичной по отношению к доминирующему аффективному компоненту. В связи с этим справедливо полагать, что макросоциальные и макрополитические тенденции первой половины 2020-х гг. – рост геополитической напряженности и экономической турбулентности – способствовали частичной негативизации массовых настроений в российском обществе и, как следствие, проекции негативного эмоционального фона в перспективу [10; 16].

Следует заметить, что российское общество сегодня (при сохранении высокого уровня социального оптимизма) не может рассматриваться как коллективный субъект, способный выработать консолидированный и направленный в долгосрочную перспективу образ будущего. Содержательная сторона этого образа сохраняет высокий уровень неопределенности. Так, согласно данным ВЦИОМ, только 40% россиян могут отчетливо представить, какой будет Россия через пять лет [11]. Еще более показателен тот факт, что, согласно данным Института социально-политических исследований РАН (мониторинг «Как живешь, Россия?», июнь 2-23 г.) 46% россиян не чувствуют уверенности в завтрашнем дне (чувствуют – 33%, затруднились ответить – 21%) [10. С. 19]. При этом показательно, что значительная часть респондентов (41%) имеет отчетливый эмоционально двойственный образ будущего России – смотрят на него с надеждой и тревогой «в равной степени» [10. С. 38].

В то же время современные исследования показывают, что в российском обществе сохраняется существенная когнитивная фрагментация образа будущего [3; 5; 16; 17]. Говоря о позитивном будущем, которое ожидает страну, российские граждане делают акцент на принципиально разных смысловых императивах: качестве жизни и благосостоянии, безопасности и политической предсказуемости, росте уровня социального комфорта посредством ускоренной цифровизации всех сфер жизни, победе в конфликте со странами Запада и укреплении великодержавного статуса. Естественно, подобная смысловая

полифония приводит к сосуществованию в российском массовом сознании различных по своему когнитивному содержанию, но при этом одинаково нечетких «прообразов будущего» [3; 8; 10].

Можно полагать, что в условиях сохранения высокого уровня социальной неопределенности и когнитивной фрагментации массовых представлений о коллективном будущем неизбежно и резко возрастает роль государства в процессе реализации того направления политики идентичности, которое может быть квалифицировано как «политика проектирования будущего». Очевидной задачей государства, его институтов сегодня является разработка содержательных аспектов и механизмов реализации стратегии формирования общенационального позитивного образа будущего [2]. Вместе с тем, предшествующий российский опыт разработки подобных документов («Стратегия-2020», «Стратегия-2035» и т.д.) показывает, что государственная стратегия проектирования образа будущего не может быть эффективной в формате институционализированной политической инициативы, исходящей исключительно от власти или от экспертного сообщества. Речь должна идти о конструировании макрополитического образа будущего в рамках широкого комплекса государственной политики идентичности (в том числе, во взаимосвязи с государственной политикой памяти), но с учетом уже существующих социальных ожиданий граждан.

Отдельный и острый вызов для российской государственности и национально-государственной идентичности связан с эскалацией **внешней цифровой агрессии против России** в условиях Специальной военной операции. Проблематика внешней цифровой агрессии, направленной против массового сознания и государственных институтов современной России, нашла свое широкое отражение в трудах российских политологов [1; 15; 18]. При этом в центре внимания исследователей оказались не только масштабы и источники-генераторы антироссийского дискурса в интернет-пространстве, но и поиск эффективных механизмов противодействия систематизированным «цифровым атакам» на российское общество и национально-государственную идентичность. При этом следует отметить, что рассматривая такие механизмы противодействия и купирования деструктивных информационных импульсов, современные исследователи все чаще обращаются к поиску асимметричных методов и форматов, предполагающих не только дезактивацию «цифрового негатива», но и создание альтернативных дискурсов – принципиально новых смысловых полей в пространстве цифровых коммуникаций [18].

Необходимо заметить, что указанная проблема оказалась особенно злободневной в 2022-2023 гг. по причине того, что цифровая инфраструктура Рунета (русскоязычного сегмента интернета) в значительной мере была выстроена на западных платформах и сервисах. В этой ситуации российское государство оказалось на какое-то время лишено действенных инструментов контроля над каналами распространения антироссийского экстремистского контента. Государственные институты и структуры, ответственные за информационную безопасность российского общества, были вынуждены оперативно

реорганизовывать собственную работу, адаптировать ее к принципиально новым условиям внешней цифровой агрессии.

Проведенный анализ позволит выделить как минимум две отчетливые смысловые линии внешнего агрессивного воздействия на российскую национально-государственную идентичность. **Первая линия**, которая четко прослеживается в западно-ориентированных цифровых медиа с 2022 года, – это тотальная негативизация образа России во всех его проекциях. Если до начала СВО главными объектами подобных атак в цифровом пространстве являлись российская власть, ее действия и политическая ситуация в России, то в сегодняшних условиях акцент перенесен на российское общество и формирование негативного образа «страны России» в целом [15]. Закономерно, что в сложившейся ситуации одним из главных объектов внешней цифровой агрессии становится национально-государственный образ прошлого, являющийся важным консолидирующим компонентом всей конфигурации общероссийской идентичности. По-прежнему имеют место целенаправленные попытки «слома» российской национально-государственной идентичности через попытки не избирательной, а всеобъемлющей дискредитации российского прошлого.

Вторая линия, являющаяся органическим продолжением предшествующей тенденции негативизации, – это форсированная и **целенаправленная дегуманизация** транслируемых представлений о России и ее гражданах. Заметим, что в этом случае также наблюдается определенная смена подходов, исповедуемых антироссийскими цифровыми медиа. Так, до начала СВО четкий акцент делался на исторической «античеловечности» российской власти (которая противопоставлялась «народу» и «населению») и негативных характеристиках российского общества, которому приписывались такие отрицательные характеристики, как патернализм, социальная пассивность и отсутствие минимальной политической субъектности. Сегодня же, по мнению исследователей, справедливо говорить именно о попытках неизбирательной дегуманизации «среднестатистического россиянина», которому западно-ориентированные медиа пытаются приписывать такие черты, как крайняя «жестокость», «лицемерие», «аморальность» и абсолютная социально-бытовая деградация.

Можно согласиться с мнением, что указанный вектор дегуманизации, прежде всего, должен интерпретироваться как один из инструментов разрушения психоэмоционального профиля массового сознания в сегодняшней России [15. С. 245]. Тем не менее, необходимо подчеркнуть: помимо атаки на эмоциональное состояние российского общества дегуманизация преследует и более масштабную долгосрочную цель, связанную с генерированием кризиса российской национально-государственной идентичности. По существу, дегуманизация призвана играть роль своеобразного триггера коллективной диссоциации, постепенно и неуклонно пытаясь вызвать у части российских граждан глубокую ценностно-смысловую дезориентацию, аффективное отторжение собственного «социального Я», провоцируя рост уровня не только политической, но и социально-повседневной атомизации в отдельных слоях общества.

Важно заметить, что внешний цифровой вызов, адресованный России, безусловно, носит стратегический и долгосрочный характер [1; 15]. Его деструктивное влияние на российское массовое сознание и национально-государственную идентичность, очевидно, не будет лимитировано сроками завершения Специальной военной операции, а продолжится далее. Следовательно, формулируя ответ на указанный вызов, государство, его институты не могут ограничиваться только лишь уже имеющимся инструментальным набором: тактикой прямых «информационных контрударов» и локальными «антифейковыми» кампаниями. Не менее важной задачей представляется выработка новых, асимметричных механизмов и форматов социализации, как политической (направленной на укрепление когнитивных оснований общероссийской идентичности гражданского типа), так и цифровой, призванной способствовать кардинальному повышению уровня информационной культуры российских граждан.

Можно констатировать, что рассмотренные выше социально-политические вызовы имеют принципиально разный генезис, но оказывают серьезное деструктивное воздействие на когнитивное содержание и психоэмоциональный фон формирования общероссийской национально-государственной идентичности. Поэтому важнейшая задача государственных институтов состоит в формулировании долгосрочных, гибких и многоступенчатых стратегий реагирования на указанные вызовы, отвечающих интересам и запросам различных социально-политических сегментов российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2 (102).
2. **Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р.** Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 1.
3. Глава ВЦИОМ рассказал о четырех образах будущего у россиян // РБК // <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/651721c49a7947ff1dd4d161?ysclid=ltpqurodtv17052161>.
4. **Зверева Е.А.** Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z» // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8.
5. **Зорин В.Ю., Титов В.В.** Образ будущего в современной России: концептуальные рамки и специфика политологического анализа // Вопросы политологии. 2023. № 7 (95).
6. **Комаровский В.С.** Формирование национально-государственной идентичности в России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3.
7. **Кортунов С.В.** Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009.

8. **Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.** Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества // Известия Тульского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. № 3.
9. **Малинова О.Ю.** Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1.
10. Образ будущего в призме социологических измерений / М.Б. Буланова [и др.]; отв. ред. Н.М. Великая. М.: Мир Науки, 2023.
11. Образ будущего: оценки россиян // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan>.
12. **Попова О.В.** О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4.
13. **Регнацкий В.В.** Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1.
14. **Титов В.В.** Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. № 4.
15. **Титов В.В.** Российская национально-государственная идентичность в условиях информационно-политических вызовов начала 2020-х гг. // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 2 (55).
16. **Титов В.В.** Формирование образа будущего в современной России: массовая динамика и роль государства // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 4.
17. **Усманова З.Р., Смулькина Н.В.** Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. № 2.
18. **Челнокова М.Л.** Противодействие несистемной оппозиции в социальных сетях // Вопросы политологии. 2024. № 2.

V.V. TITOV

Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of Public and Municipal
Administration of the State University
of Management, Moscow, Russia

RUSSIAN IDENTITY: STRATEGIC CHALLENGES IN THE MID-2020TH

The article is dedicated to the key and most acute political challenges facing the Russian national-state identity in the mid-2020th. These challenges include the crisis trends in the functioning of political socialization institutions in the context of the digital transformation of society, the weakness and amorphousness of the collective macro-political image of the future in modern Russia, and the external digital aggression against Russian statehood and Russian society in the context of the Special Military Operation. It has been revealed that the challenges have different origins and dynamics, but they have a long-term destructive effect on the structural composition, cognitive, and psychoemotional profiles of Russian national-state identity. It is noted that these challenges can be reduced through the systematic modernization of state identity policy, the search for asymmetric technologies and formats for its implementation in the conditions of social uncertainty, polycentrism, and turbulence of the digital space.

Key words: national-state identity, challenge, digital transformation, socio-political uncertainty, dehumanization, identity politics, image of the future.